

КУЛЬТЫ И ВЕРОВАНИЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/199-210

Научная статья

© А. Б. Пермиловская

СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ И РОЩИ: СТАТУС В СЕВЕРНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В основе работы эмпирический полевой материал по обследованию культурного ландшафта и сельских исторических поселений Русского Севера (Архангельская область, Карелия). Сельский ландшафт — это культурный феномен, объединяющий природный и историко-архитектурный территориальный комплекс, основанный на традиционной культуре. Священные, жертвенные, заветные или почитаемые деревья и рощи — это неполный список названий природных сакральных объектов, имеющих (или имевших) широчайшее распространение в традиционной культуре разных этносов и, в частности, на территории современной России. Наибольшее количество сведений о них сохранилось в зоне хвойных и смешанных лесов, а в некоторых регионах (например, на Кавказе, в Сибири, Поволжье и на Европейском Севере) заветные, жертвенные рощи сохранились и функционируют в настоящее время. Характерным явлением традиционной культуры Русского Севера были священные рощи (более всего они сохранились на территории Национального парка «Кенозерский»), сакральные, придорожные деревья, дерево знак-«карсикко» (финно-угры) и его русский эквивалент дерево-«залазь». Особую группу составляли деревья с негативной, колдовской семантикой (буйное, злыднево дерево). Строительная обрядность выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, которые использовались в деревянном зодчестве, как в практическом, так и в знаково-сакральном значении.

Ключевые слова: Русский Север, строительная обрядность, сакральные деревья, священные рощи

Ссылка при цитировании: Пермиловская А. Б. Священные деревья и рощи: статус в северной традиционной культуре // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 199–210.

Пермиловская Анна Борисовна — доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. Акад. Н. П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020 Архангельск, Никольский пр., д. 20). Эл. почта: annaperm@fciaartic.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

*Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Русская деревянная архитектура как феномен культурного наследия в аспекте формирования национальной идентичности северных и арктических территорий», № гос. регистрации — 125021902631-6.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/199-210

Original article

© Anna Permilovskaya

SACRED TREES AND GROVES IN THE NORTHERN TRADITIONAL CULTURE

The work is based on empirical field materials from a study of the cultural landscapes and rural historical settlements of the Russian North (Arkhangelsk region and Karelia). The rural landscape is a cultural phenomenon that combines a natural and historical-architectural territorial complex rooted in traditional culture. Sacred, sacrificial, treasured or revered trees and groves are just a few examples of natural sacred objects that are (or were) widespread in the traditional cultures of various ethnic groups, particularly in Russia. Most information about them has been preserved in the zone of coniferous and mixed forests. In some regions (for example, in the Caucasus, Siberia, the Volga region and the European North) sacred groves have been preserved and are still in use today. The sacred groves were a hallmark of the traditional culture of the Russian North (most of the preserved groves are located in the Kenozersky National Park). The sacred trees also include roadside trees, the sign trees called “karsikko” by the Finno-Ugrians and “zalaz” by the Russians, and a special group of trees with negative, witchcraft semantics. Construction rituals acted as an integral sign system through which peasants protected their sacred values. The choice of trees used in wooden architecture was of great importance for construction, both practically and symbolically.

Keywords: Russian North, building rituals, sacred trees, holy groves

Author Info: Permilovskaya, Anna B. — D.Sc. in Cultural Studies, Head, Chief Researcher, Scientific Center of Traditional Culture & Museum Preservation N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: annaperm@fciaarctic.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

For citation: Permilovskaya, Anna B. 2025. Sacred Trees and Groves in the Northern Traditional Culture. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 199–210.

Funding: The study was carried out within the framework of the State assignment on the scientific topic “Russian Wooden Architecture as a Phenomenon of Cultural Heritage in the Aspect of the Formation of the National Identity of the Northern and Arctic Territories”, State registration number — 125021902631-6.

В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий — это не только устойчивое понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Это регион, который занимает одно из главных мест на культурной карте России. Сельский культурный ландшафт — это система, которая включает в себя природный ландшафт, поселение, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру, религию. Работа опирается:

- на собственный эмпирический материал (36 архитектурно-этнографических экспедиций);
- две авторские методики по обследованию памятников деревянного зодчества, исторических поселений как объектов культурного наследия;
- многолетний опыт работы по формированию экспозиции самого крупного музея под небом России — музея деревянного зодчества «Малые Корелы» и др (Пермиловская 2023: 9).

В традиционной культуре, деревья, используемые для строительства, имели особый сакральный статус. Семантика строительной обрядности выступала как знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные и ритуальные ценности и своеобразие традиционной народной культуры, ее связь с окружающим миром. Дерево — один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы.

При выборе места для строительства нового храма использовались строевые деревья, ритуал проходил с помощью гадания. Предание об основании д. Сухое имеет традиционный мотив: выбор места для поселения и для культовой постройки определен с помощью совмещенных языческих и христианских атрибутов: «лесины» и иконы. Но место оказывается неудачным — далеко от воды. *«Хотели встать на реку туда подальше. Но положили туда **икону**, встали утром — а она тут же на наволоке сухом, на **лесине**. Тут и построили **деревню**: так и есть Сухое»* (Криничная 1991: 39).

Религиозно-мифологическая семантика выбора места строительства храма с помощью священного животного (коня), дерева и иконы отражена в легендах об основании церквей в д. Владимирской и д. Паданы (Карелия). *«Крестьяне д. Владимирской долго бесплодно спорили о месте, где поставить **церковь**. Не раз сходились они для обсуждения этого вопроса и не раз расходились с враждою в сердце друг против друга. И этому не было бы конца, если бы неожиданно не появился созревший на этот случай в чьей-то крестьянской голове такой план: запрячь молодого неезженного **жеребца** в сани, направить в лес, вырубить там **строевое дерево**, положить дерево на сани и пустить жеребца на свободе: где он остановится — на том месте и быть **церкви**»*. В д. Паданы Медвежьегорского района Карельской АССР *«... лошадь запрягали на дровни, на дровни клали **бревно**, ставили **икону** и пустили лошадь, а где она встала, там и **церковь** строили»* (Криничная 1991: 41).

Также большое значение для строительства дома имел выбор деревьев не только в практическом, но и его сакральном значении. Существовали деревья, которые нельзя было использовать для строительства. К ним относилась большая группа «священных деревьев». Священными считались как отдельно стоящие деревья, так и целые «священные рощи», особенно часто встречаемые на Русском Севере. Они росли на

Рис. 1. Обетное дерево, Красный Чум, Ненецкий автономный округ. 2012 г.
Фото А. Б. Пермиловской

Рис. 2. Священная роща, д. Думино, Национальный парк «Кенозерский».

Фото Н. Чеснокова
из архива А. Б. Пермиловской

Рис. 3. Часовня Параскевы Пятницы в святой роще, д. Тырышкино, кон. XVIII — нач. XIX в.

Фото А. Пермиловской

месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище (Байбурин 1983: 28).

Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI вв. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой помимо деревьев находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения.

Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен. Рощи считались неприкосновенными. В такой священной роще нельзя было не только рубить деревья, но и просто сломать ветку, а нарушивших запреты постигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд (Славянские древности 1999: 67).

В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников; как правило, это были деревья с какими-либо аномалиями, например, на берегу озера Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешана одежда, по существу это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней. Рядом находится несколько обетных с приношениями крестов (ПМА).

Сакральный статус имели некоторые «придорожные» деревья и рощи. Многие из них отмечали границу своей территории, располагаясь за околицей селения, у дороги или на перекрестке

дорог. В Заонежье и на Каргополье у развилок и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. Дорожная сосна у начала большой дороги за д. Мягроозеро — это старое дерево с дуплом, в котором находился крест, а прежде была здесь икона. Помолвившись, путники оставляют в дупле монеты или тряпочки, или развешивают куски материи на ветвях сосны (Логинов 1992: 64; Щепанская 2003: 275).

У дороги с. Конёво — п. Усть-Поча, Плесецкий район стоит большая многоствольная «придорожная» сосна с обетными приношениями. «Диаметр сосны 116 сантиметров, высота 15 метров, возраст 200 лет. Широко раскинутые ветви простираются до середины проезжей части. Диаметр кроны превышает 15 метров.

Другое «святое» дерево находится у деревни Зехнова на опушке заросшего лесом холма. Это огромная сосна диаметром 110 сантиметров и высотой 22,4 метра в возрасте 200 лет. Рядом стоит старинный деревянный крест. Могучие древние «святые» сосны остаются объектами почитания и поклонения у местного населения. С ними связаны исторические события и легенды, обычаи, имеющие ритуальные значения. «Святые» рощи и деревья традиционнo сохраняются и оберегаются населением» (Официальный сайт 2024).

Деревья в некоторых регионах сажали у дорог по случаю рождения ребенка. На Кенозере зафиксирован обычай — сажать ель, если родится мальчик, иву — если девочка. Деревьям рябины и можжевельника («вереса») поверья приписывали особое свойство открывать человеку дорогу, выводить из леса, когда заблудится.

Запрет что-нибудь брать у священных колодцев, деревьев, камней, часовен мотивировался неминуемым наказанием за святотатство. Старые большие деревья, растущие в деревнях или в непосредственной близости от них и почитаемые неприкосновенными, служили местом сбора во время больших празднеств. Здесь водили хороводы и устраивали игры, жгли обрядовые костры, отсюда начинались обрядовые процессии и ритуальные обходы дворов.

«Отношение к окружающему пространству у русского человека всегда ассоциировалось с некоторым духовным простором, наличием освящённых мест как носителей духовных ценностей. Священные рощи с их уникальными часовнями и крестами, на которые по древним обычаям, принятым на Севере, повязаны полотенца и платки, являются неотъемлемой частью живописных ландшафтов Кенозерья. На территории Парка сохранилось более 45 «Святых» рощ. Интересна история их возникновения: предполагается, что они возникли в местах бывших языческих святилищ-капищ или древних идолов. Точное время их возникновения или создания уже затерялось в истории. В рощах нельзя громко разговаривать, рубить деревья, ломать сучья, заготавливать бересту, собирать грибы и ягоды. Запреты и ограничения на пользование этими лесами, установившиеся в сознании людей, говорят о происхождении рощ как остатков девственных лесов. Некоторые деревья в рощах старше 200 лет. Территории этих лесных участков можно

Рис. 4. Обетные кресты с пеленами на берегу о. Валдово, с. Ошевенск, Каргопольский р., XX в. Фото А. Б. Пермиловской

Рис. 5. Святое дерево (сосна) с обетными приношениями на дороге в п. Усть-Поча, Национальный парк «Кенозерский». 2023 г. Фото А. Б. Пермиловской

Рис. 6. Можжевеловая аллея (57 деревьев), о. Медвежий, нац. парк «Кенозерский», нач. XX в. 2023 г. Фото А. Б. Пермиловской

кое дерево, с корня срубленное и попавшее между двумя брёвнами в стены избы, без всяких причин рушит всё строение и обломками давит насмерть неопытных и недогадливых хозяев. Даже щепка от таких брёвен, положенная со зла лихим человеком, ломает и разрушает целые мельницы» (Максимов 1903: 287). В с. Кимжа Мезенского района в интерьере крестьянской избы автором было зафиксировано *«злыднево дерево»* — это нарост на бревне, использованном для строительства дома 1909 г. По воспоминаниям хозяйки, он приносит несчастье его владельцам. *«Два их в доме — над печкой и за печкой. Это злыднево место. Люди не живут. У кого купили дом, были бездетны. И у нас дочь умерла»* (ПМА).

Рис. 7. «Злыднево дерево», в доме Паюсовой Т. А., с. Кимжа, Мезенский р. 1909 г. Фото А. Б. Пермиловской

Иуда-предатель), немало способствовали своеобразному «избранничеству» этого дерева в славянской и русской традиционной культуре, и фольклоре. На Русском Севере в большом почете у пастухов были осиновые барабаны, звуки которых в лесу помогали пастуху держать все стадо поблизости и при необходимости быстро собрать его. Для изготовления такого барабана выбирали осину из самых густых зарослей на болоте; делали барабан ночью при свете костра, разведенного из осиновых поленьев. Считалось, что использование осинового барабана угодно лешему и другой нечистой силе, обитающей в лесу и на болотах. Это скрепляет договор пастуха

рассматривать как генетические резерваты и по праву считать древнейшей формой заповедности». В каждой роще находится крест или часовня как знак святости как таковой. Окрестное население относится с почтением к этим местам, считая, что роща принадлежит тому угоднику, для которого в роще построена часовня (Официальный сайт).

К специфической категории следует отнести так называемые «буйные» деревья. «Им приписывались особые свойства — разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могут лишь одни колдуны. Та-

По отношению к «буйным» деревьям существенными для их смысла могли оказаться такие значения слова «буй», как «церковная ограда», «кладбище», «межа», «грань», «погост» — место, где стоит церковь, с пониманием их общей негативной семантики как границы.

К «буйным», нечистым деревьям относилась осина. Природные свойства осины, ограниченное использование при строительстве, а также тяготеющее над ней проклятие (по христианскому преданию на осине повесился

с лесим и одновременно усиливает магические свойства самого инструмента. При таком отношении к осине становятся понятны касающиеся её бытовые предписания и запреты. «Грешное» дерево запрещалось вносить в дом и даже сажать вблизи человеческого жилья, иначе в нём поселятся черти и будут буйствовать. В доме внезапно станет биться посуда, слышаться беспричинные звуки, буря снесет крышу, из стен начнут выпадать бревна (Агапкина 1995: 116).

Запрещалось использовать при строительстве, рубить очень старые деревья, которые, по поверьям, должны были умереть своей смертью. Непригодным считалось дерево, на котором ворон свил гнездо, и любое бревно с места пожара (для предохранения будущего дома от пожара) (Логинов 1993: 80). На Русском Севере в XIX — нач. XX в. существовала традиция не сажать деревья около дома. Местные жители считали, что ветви деревьев закрывают окна избы от солнца, т. е. от тепла и света, которые так ценились на Севере. Кроме того, ради благополучия дома и его обитателей существовал обычай, запрещающий сажать деревья вблизи дома, чтобы не вымерла семья: «У дома куст — настоится дом пуст» (Славянская мифология 2002: 118). Также в этом ритуальном контексте нужно сказать о другом запрете, связанном с деревьями, который получил распространение в средней полосе России, а позднее и на Севере — не использовать при строительстве деревья, выращенные человеком и находящиеся в пределах усадьбы. Дерево, посаженное около дома, воплощает идею непрерывности рода, как и сам дом: если что-то одно перестаёт существовать, другой объект отчасти компенсирует утрату.

К малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов относится феномен дерево-знака «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie*, «обрубать ветки, карзать». Другие названия: севернофин. *hurrikas*, южнофин. *ristipuu* («крестовое дерево»), эстонское *ristikuusk* («крестовая ель»), *ristipedäjä* («крестовая сосна»), ср. архангельское и вологодское *залазь*, коми *пас пу* и др. Карсикко — это преимущественно хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на хвойном дереве, как правило, вырастает две или три верхушки. Дерево имеет затесанный или зарубленный ствол. Затес может быть площадкой, поверхностью, на которой вырезаются другие знаки, например, родовые или семейные клейма, знаки собственности, инициалы и даты. Или же зарубка может иметь свою форму: изображение человеческого лица, птицы.

Дерево-знак карсикко делали по десяткам поводов — от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения появлялись целые рощи обрубленных деревьев. Карелы приходили туда поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой

Карсикко на церковном кладбище в Панозере (РЭМ, 1914)

Рис. 8. Карсикко на церковном кладбище, Панозеро, Карелия. Из архива РЭМ. Публикуется по: Конкка, 2013

обрядности как символ духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась *мирового дерева* с функциями *оберега* и *медиатора* между мирами, маркируя сакральные границы (Конкка 2013).

По мнению ведущего специалиста по данной теме А. П. Конкка, это явление фиксируется в финно-карельском пограничье, в таежной зоне от Северной Швеции и Норвегии

до Уральских гор и генетически восходит к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов. Экспедиционными исследованиями были зафиксированы сходные явления на Верхней Вычегде и Мезени. В Архангельской области — это районы НП «Кенозерский» (Плесецкий р.). В Котласском и Вилегодском р. были собраны данные по карсикко у русского населения на «святых» местах и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и церковных рощах. А. П. Конкка во время экспедиционного обследования зафиксировал это явление у южных вепсов, тихвинских карел (Ленинградская область), в арктической культуре поморов Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря (Конкка 2013: 10).

Нанесение знака, метки, изменение природного состояния объекта переводит карсикко в область культуры. Здесь проявляется адаптивная функция традиционной этнической культуры (финно-угорской, севернорусской) обеспечивать приспособление человека к окружающей среде, выполняя защитно-сакральную миссию. Карсикко делается в ситуациях кризиса, нарушения обычного хода и состояния вещей. Карсикко кроме защитной и охранной функции одновременно исполняет роль медиатора между мирами. В связи с пограничным характером дерева-карсикко (дерево как знак границы) выделяется несколько территориальных локусов для его местоположения: «гора, мыс, остров, линия берега, опушка леса, надпорожье, росстань, лесная (промысловая) изба, кладбище и его окрестности, отдельное захоронение, жертвенная роща, культовое место (например, территория «священного» родника)» (Конкка 2013: 14, 16).

На этих культовых местах, кладбищах в попытке нейтрализации православием сакральной силы языческих символов могли быть поставлены и деревянные кресты. Во время экспедиционного обследования уникального исторического поселения с. Кимжа, Мезенский район (2004–2007) автором было обнаружено и введено в научный оборот именно та-

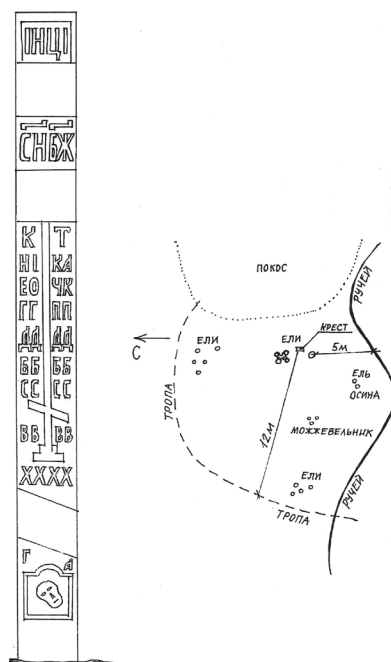

Рис. 9, 10. Крест в сакральном месте около Чертова ручья, с. Кимжа, Мезенский р. нач. XX в. Фото Н. Чеснокова, 2007; научная информация А. Б. Пермиловской, обмеры Н. Подобиной

кое сакральное место. Оно находится в районе кладбища в Белой Виске. «Виска» означает протоку между озерами, в данном случае это расстояние между Белым озером и рекой Кимжа. Это сакральное место для жителей Кимжи. Здесь протекает Чертов ручей. *«Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то дьяволицина виделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест»*. Крест «спрятан» между старыми елями и не виден с расположенной рядом дороги. С одной стороны — лес, с другой — сенокосные угодья. В качестве места установки выбрана необычная многоствольная ель с четырьмя стволами и с обрубленными нижними ветками. Автором была зафиксирована именно такая ель в 2004 г. В настоящее время осталось два ствола, остальные высохли и аккуратно обрезаны. Между ними расположен крест без перекладины, вероятно, она была утрачена. Крест традиционной восьмиконечной формы, выкрашен в красный цвет и имеет характерные для православной культуры Русского Севера, надписи. Здесь находятся приношения: монетки, конфеты, к веткам дерева привязаны разноцветные тряпочки. Воду из ручья использовали для лечения маленьких детей (ПМА; Пермиловская 2010: 307–309).

Пространство, освоенное христианской святыней (крестом, часовней, церковью, священным деревом), считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В Мезенском и Пинежском культурном ландшафте значительная их часть расположена на окраине поселения, в непосредственной близости к лесу. Тем самым срабатывала инерция культурной традиции нейтрализовать опасное место путем возведения христианской святыни (Иванова, Калуцков 2008: 187). Например, идентичная ситуация сопровождала постройку обетного креста в д. Лавела Пинежского района. *«У нас по дороге в Лавелу в одном месте все пугало. Дьявол человеком покажется и заставит молотить: кичигу в руки даст и хлеба нет, а молотишь. Многие видали. И вот дали ответ: “Поставим крест на этом месте и будем ходить к нему с молебнами”. И что ты думаешь? Тихо стало. А потом крест убрали и опять дьявол объявился. Хошь верь, хошь не верь, а че-то есть»* (Иванова, Калуцков 2008: 66).

Высокий адаптационный потенциал традиционной культуры русских характеризуется значительной степенью передачи явлений и элементов культуры как внутри своего народа, так и вовне — иноэтничным группам, а также восприятием культурных явлений и элементов, присущих другим народам, с осмыслением их как своих.

Многие субстратные явления культуры воспринимались местным севернорусским населением как свои, ведь, по крайней мере, отчасти таковыми они и были. Русский эквивалентом карсикко является «залазь». Залазь известна в разных местностях и встречается в промысловой практике, в похоронном, свадебном и рекрутском обрядах. Многие заветные рощи и отдельные почитаемые деревья также были залазями-карсикко. Географически явление охватывает всю территорию Русского Севера от Карельского берега Белого моря до архангельского Лешуконья на границе с Республикой Коми (Конкка 2023: 22).

Дополнительно к данным А. П. Конкка можно добавить, что залазь, в архангельских говорах, «высокая ель, у которой на верхушке условно обрубаются ветви, для приметы» (Даль 2002: 535). На Пинеге и Мезени залазь — это «заруба, затесь, затеска на дереве» (Подвысоцкий 2009: 155). А также «высокое дерево с обрубленными известным образом для приметы местности сучьями у вершины; верхушка дерева с оставленными ветвями, между тем как на остальной части дерева все ветви обрублены, такие залази делают лесовщики на тех деревьях, под которыми разводят огонь» (Подвысоцкий 2009: 156).

Широта ритуально-символической парадигмы священных, буйных, придорожных деревьев, деревьев-знаков (карсикко, залазь), различные формы, и способы обработки дерева связаны, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека. Отдельной темой исследования может стать взаимоотношение карсикко к жертвенным, священным деревьям и рощам. А также дальнейшим формам их существования (обетные и намогильные кресты, часовни, священные камни, источники и др.) (Пермиловская 2019: 150–158).

История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Европейского (Русского) Севера. «Страной зодчих» называл Русский Север И. Э. Грабарь. Эта метафора точно характеризует высокую крестьянскую строительную культуру (Грабарь 1910: 4). Издавна на Руси плотничать умел каждый крестьянин. Древесина была универсальным материалом. Сосна, ель, лиственница, осина — каждая порода обладала присущими только ей свойствами и особенностями, цветом, строением, которое хорошо знали и учитывали при обработке мастера. В дело шла не только древесина, но также луб, корни, кора молодой берёзы — береста. Народные зодчие ценили качества древесины как строительного материала, её обилие и дешевизну, способность сохранять в доме тепло, сравнительную долговечность и, наконец, «спорость» — возможность возводить деревянные строения в короткие сроки и практически в любое время года.

Обетные кресты занимают «промежуточное» положение между официально церковными и «неофициальными», природными святынями Русского Севера (Петров 2015: 50). В русском деревянном зодчестве получили широкое распространение отдельно стоящие обетные и памятные кресты, своей формой и искусной деревянной резьбой, символизирующие одновременно древо жизни и крест. Например, крест из д. Кушкопала, Пинежский район с символикой древа жизни, вырезанной на его поверхности (сер. — кон. XIX в.). Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская, Мезенский район) (ПМА). По информации местных жителей крест в центре д. Едома, Пинежский район (кон. XIX в.) был сделан из растущей лиственницы, чем обусловлена его долговечность (Петров 2015: 56).

Более широкая традиция в русском деревянном зодчестве использовать растущие хвойные деревья отразилась в установке охотничьих промысловых амбаров-лабазов на цельном стволе дерева, поднимая его высоко над землей от 1,5 до 2,5 м. Иногда основание было обтесано для придания грибовидной формы. Специальной лестницы обычно не изготавливали, а ставили между опорами короткий столбик, встав на который можно было по плечи попасть внутрь.

Традиционная строительная обрядность в природно-культурном ландшафте выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, которые использовались в народной архитектуре. Он определялся бытовыми, прагматическими свойствами тех или иных пород в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о сакрально-символических «влияниях» этих пород или знаковых деревьев на жизнь, как конкретного человека, так и социума.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Отчеты по экспедициям: в Каргопольский (1984, 2006), Плесецкий (1992, 2009, 2021, 2023), Пинежский (1986, 2008), Лешуконский (2002), Ме-

зенский (2004–2007), Онежский (1981, 1985, 2021) р-ны Архангельской области.
Официальный сайт 2024 — Официальный сайт ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
[Электронный ресурс]. <https://kenozero.ru> (дата обращения: 17.04.2024).

Научная литература

- Агапкина Т. О «чертовом» дереве осине... // Родина. 1995. № 5. С. 115–117.
- Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 190 с.
- Грабарь И. Э. История русского искусства. В 6 т. М.: И. Кнебель, 1910. Т. 1: Архитектура. До-петровская эпоха. 508 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I / совмещ. ред. В. И. Даля, И. А. Бодуэна де Кортенэ в соврем. написании. М.: Олма-Пресс, 2002. 1278 с.
- Иванова А. А., Калуцков В. Н. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Поморские чтения по семиотике культуры: сб. науч. ст. Вып. 3. Архангельск: Помор. Университет, 2008. С. 180–196.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 525 с.
- Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
- Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/22-34>
- Логинов К. К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С. 46–67.
- Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. 157 с.
- Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
- Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.
- Пермиловская А. Б. Культовое традиционная архитектура как фактор адаптивного механизма при освоении Русской Арктики // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 7–21. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/7-21>
- Пермиловская А. Б. Строительные традиции и обрядность северного деревянного зодчества // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 150–158. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/22>
- Петров Д. Д. Обетные кресты Лешуконья // Вестник антропологии. 2015. №1 (29). С. 50–68.
- Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М.: ОГИ, 2009. 576 с.
- Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. 699 с.
- Щепанская Т. В. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Ин-дрик, 2003. 528 с.

References

- Agapkina, T. O. 1995. O «chertovom» dereve osine... [About the “Damn” Aspen Tree...]. *Rodina* 5: 115–117.
- Baiburin, A. K. 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian* [Dwelling in the Rituals and Beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. 190 p.
- Grabar, I. E. 1910. *Istoriia russkogo iskusstva* [History of Russian Art]. Vol. 1. *Arkhitectura. Do-petrovskaiia epokha* [Architecture. Pre-Petrine Era]. Moscow: I. Knebel. 508 p.
- Dal, V. I. 2002. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the

- Living Great Russian Language]. Vol. I. Moscow: Olma-Press. 1278 p.
- Ivanova, A. A., and V. N. Kalutskov. 2008. Sviatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ia [Holy Places in the Cultural Landscape of Pinega Region]. In *Pomorskie chteniia po semiotike kul'tury: Sbornik nauchnykh statei* [Pomor Readings on Semiotics of Culture: Collection of Scientific Articles], ed. by N. M. Terebikhin. Vol. 3. Arkhangelsk: Pomor University. 180–196.
- Krinichnaia, N. A. 1991. *Predaniia Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. Saint Petersburg: Nauka. 525 p.
- Konkka, A. P. 2013. *Karsikko: derev'ia-znaki v obriadakh i verovaniikh pribaltiisko-finskikh narodov* [Karsikko: Sign Trees in the Rites and Beliefs of the Baltic-Finnish Peoples]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskii Gosudarstvennii Universitet. 286 p.
- Konkka, A. P. 2023. Fenomen karsikko-zalazi na Russkom Severe [The Phenomenon of Karsikko-Zalazi in the Russian North]. *Vestnik antropologii* 2: 22–34. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/22-34>
- Loginov, K. K. 1992. O zhertvoprinosheniiakh v Zaonezh'e [About Sacrifices in Zaonezhie]. In *Obriady i verovaniia narodov Karelii* [Rituals and Beliefs of the Peoples of Karelia], ed. by Yu. Yu. Surkhasko, A. P. Konkka. Petrozavodsk: Kol'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 46–67.
- Loginov, K. K. 1993. *Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya russkikh Zaonezh'ya (konets XIX — nachalo XX v.)* [Material Culture and Industrial and Everyday Magic of the Russians in Zaonezhie (Late 19th — Early 20th Centuries)]. Saint Petersburg: Nauka. 157 p.
- Maksimov, S. V. 1903. *Nechistaia, nevedomaia i krestnaia sila* [Devilry, Unknown and Cross Power]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo Golike i A. Vil'borg. 526 p.
- Permilovskaya, A. B. 2010. *Russkii Sever kak osobaia territoria nasledia* [Russian North as a Special Territory of Heritage]. Arkhangel'sk: OAO "IPP 'Pravda Severa'; Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiiskoi akademii nauk. 552 p.
- Permilovskaya, A. B. 2023. Kul'tovoe traditsionnaia arkhitektura kak faktor adaptivnogo mekhanizma pri osvoenii Russkoi Arktiki [Temple Traditional Architecture as a Factor of an Adaptive Mechanism in the Development of the Russian Arctic]. *Vestnik antropologii* 2: 7–21. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/7-21>
- Permilovskaya, A. B. 2019. Stroitel'nye traditsii i obriadnost' severnogo dereviannogo zodchestva [Construction Traditions and Ritual of Northern Wooden Architecture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 58: 150–158. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/22>
- Petrov, D. D. 2015. Obetnye kresty Leshukon'ia [Votive Crosses of Leshukonye]. *Vestnik antropologii* 1(29): 50–68.
- Podvysotskii, A. O. 2009. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect in its Everyday and Ethnographic Application]. Moscow: OGI. 576 p.
- Славянская мифология: энциклопедический словарь
- Tolstaya, S. V. (ed.) 2002. *Slavianskaya mifologiya: enciklopedicheskii slovar'* [Slavic Mithology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 512 p.
- Tolstoi, N. I. (ed.) 1999. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 699 p.
- Shhepanskaia, T. V. 2003. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [Road Culture in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the 19th–20th Centuries]. Moscow: Indrik. 528 p.